

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Против логики Гильотины

CrimethInc.

CrimethInc.
Против логики Гильотины
2019

Скопировано из vk.com (оригинал - ru.crimethinc.com)

ru.anarchistlibraries.net

2019

Оглавление

Почему Парижская коммуна сожгла Гильотину — и нам тоже стоит	5
Отмщение	9
Очень краткая история гильотины	12
Фетишизация государственного насилия	20
Наказание виновных	23
Вместо гильотины	28
Таксономия революционного насилия	30
Освобождать, а не уничтожать	32
Приложение: Обезглавленные	38
Дополнительное чтение	40
Примечания	41

Примечания

“В четверг, в девять часов утра, 137-й батальон, принадлежащий к одиннадцатому округу, отправился на улицу Фоли-Мерикур; они реквизировали и взяли гильотину, разбили отвратительную машину на куски и сожгли ее под аплодисменты огромной толпы.

“Они сожгли её у подножия статуи защитника Сирвена и Каласа, апостола человечества, предшественника Французской революции, у подножия статуи Вольтера”.

Об этом было объявлено ранее в следующем заявлении:

“Граждане, нам сообщили о строительстве гильотины нового типа, которую заказало одиозное правительство [т.е. консервативное республиканское правительство при Адольфе Тьере] — такой, которую легче и быстрее транспортировать. Подкомитет 11-го округа отдал приказ об изъятии этих рабских инструментов монархического господства и проголосовал за то, чтобы они были уничтожены раз и навсегда. Поэтому их сожгут в 10 часов 6 апреля 1871 года на площади Мэрий для очищения округа и освящения нашей новой свободы”.

Дополнительное чтение

- The Guillotine At Work, GP Maximoff
- I Know Who Killed Chief Superintendent Luigi Calabresi, Alfredo M. Bonanno
- Critique's Quarrel with Church and State, Edgar Bauer

Почему Парижская коммуна сожгла Гильотину — и нам тоже стоит

148 лет назад на этой неделе, 6 апреля 1871 года, вооруженные участники революционной Парижской коммуны захватили гильотину, которая находилась рядом с тюрьмой в Париже. Они принесли ее к подножию статуи Вольтера, где разбили на куски и сожгли в костре под аплодисменты огромной толпы.¹ Это была народная акция, возникшая на низовом уровне, а не спектакль, координируемый политиками. В то время коммуна контролировала Париж, в котором все еще жили люди всех классов; французская и прусская армии окружили город и готовились вторгнуться в него, чтобы навязать консервативное республиканское правительство Адольфа Тьера. В этих условиях сожжение гильотины было смелым жестом, отвергающим Царство Террора и идею о том, что позитивных социальных изменений можно добиться, убивая людей.

“Что? - в шоке спрашиваете вы.

- Коммунары сожгли гильотину? С какой стати им делать это? Я думал, гильотина - символ освобождения!”

В самом деле, почему? Если гильотина не является символом освобождения, то почему за последние несколько лет она стала таким стандартным мотивом для левых ради-

¹ Как сообщается в официальном журнале Парижской коммуны:

калов? Почему интернет изобилует мемами с гильотиной? Почему The Soup поют “У нас есть гильотина, вам лучше бежать”? Самое популярное социалистическое периодическое издание называется *Якобинец*, в честь первоначальных сторонников гильотины. Конечно, все это не может быть просто ироничным проявлением затянувшихся тревог правых по поводу Французской революции.

Гильотина стала занимать наше коллективное воображение. В то время, когда расколы в нашем обществе расширяются в сторону гражданской войны, это представляет собой бескомпромиссную кровавую месть. Это олицетворяет идею о том, что насилие со стороны государства могло бы быть благом, если бы во главе стояли только *правильные люди*.

Те, кто считает собственное бессилие само собой разумеющимся, предполагают, что они могут продвигать ужасные фантазии о мести без последствий. Но если мы серьезно намерены изменить мир, мы обязаны сделать это ради самих себя, чтобы наши предложения не были столь же ужасными.

ровали в Париже и душили в Италии, и я пойду со своими товарищами. Я против вашего правительства и вашей власти. Долой их. Всего им самого наихудшего. Да здравствует Анархия”.
- Чамми Флеминг

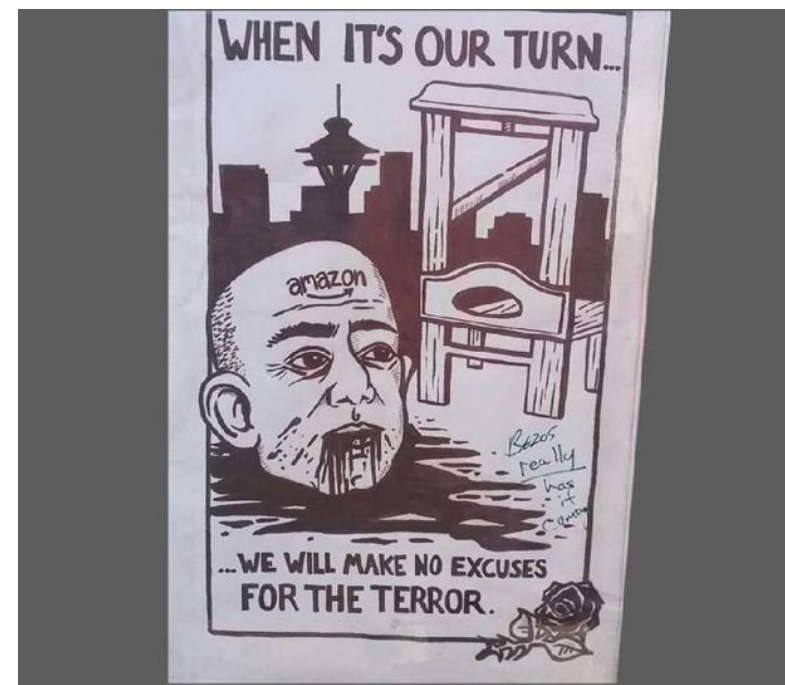
Приложение: Обезглавленные

Гильотина не завершила свою карьеру ни после первой Французской Революции, ни когда ее сожгли во время Парижской коммуны. Фактически, её применяли во Франции в качестве средства, с помощью которого государство приводило в исполнение смертную казнь вплоть до 1977 года. Одна из последних женщин, гильотинированных во Франции, была казнена за то, что делала аборт. Нацисты гильотинировали около 16 500 человек в период с 1933 по 1945 год — столько же людей погибло во время пика террора во Франции.

Несколько жертв гильотины:

- Равашоль (урожденный Франсуа Клавдий Кенигштейн), анархист
- Огюст Вайян, анархист
- Эмиль Генри, анархист
- Санте Джеронимо Казерио, анархист
- Раймон Кайемин, Этьен Монье и Андре Суде, все анархисты - участники так называемой банды Бонно
- Мечислас Шарье, анархист
- Феличе Орсини, который пытался убить Наполеона III
- Ханс и Софи Шолль и Кристоф Пробст — члены Die Weiße Rose, подпольной антинацистской молодежной организации, действовавшей в Мюнхене в 1942-1943 годах.

“Я анархист. Нас вешали в Чикаго, казнили на электрическом стуле в Нью-Йорке, гильотини-

Плакат в Сиэтле, штат Вашингтон. Цитата взята из труда Карла Маркса.

Вольтер аплодирует сожжению гильотины во время Парижской коммуны.

Отмщение

Неудивительно, что сегодня люди хотят кровавой мести. Капиталистическая спекуляция быстро делает планету непригодной для жизни. Пограничная служба США похищает, накачивает наркотиками и сажает в тюрьму детей. Постоянно происходят отдельные акты насилия на почве расизма и женоненавистничества. Для многих людей повседневная жизнь становится все более унижительной и лишающей сил.

Те, кто не жаждет мести, потому что они недостаточно сострадательны, чтобы возмущаться несправедливостью, или потому что они *просто не обращают внимания*, не заслуживают за это никакой похвалы. В апатии меньше добродетели, чем в худших проявлениях мстительности.

Хочу ли я отомстить полицейским, которые безнаказанно убивают людей, миллиардерам, наживающимся на эксплуатации и облагораживании, фанатикам, которые преследуют и убивают людей? Да, конечно, я хочу. Они убили людей, которых я знал; они пытаются уничтожить все, что я люблю. Когда я думаю о вреде, который они причиняют, я чувствую, что готов переломать им кости, убить их голыми руками.

Но это желание отличается от моей политики. Я могу хотеть чего-то без необходимости перепроектировать политическое обоснование этого. Я могу чего-то хотеть и отказаться от этого, если я еще больше хочу чего-то другого - в данном случае анархистской революции, которая не основана на мести. Я не осуждаю других людей за жела-

ние отомстить, особенно если они прошли через худшее, чем я. Но я также не путаю это желание с предложением освобождения.

Если та жажда крови, которую я описываю, пугает вас, или если это просто кажется неприличным, то вам абсолютно не стоит шутить о том, что *другие* люди совершают индустриализированные убийства от вашего имени.

Ибо это то, что отличает фантазию о гильотине: все дело в эффективности и расстоянии. Те, кто фетишизирует гильотину, не хотят убивать людей голыми руками; они не готовы рвать чью-либо плоть зубами. Они хотят, чтобы месть была автоматизирована и осуществлена за них. Они похожи на потребителей, которые беспечно едят куриные наггетсы, но сами лично никогда бы не смогли забить корову или вырубить тропический лес. Они предпочитают, чтобы кровопролитие происходило упорядоченно, должным образом легитимно, в соответствии с примером, поданным якобинцами и большевиками, подражая безличному функционированию капиталистического государства.

И еще кое-что: они не хотят брать на себя ответственность за убийства. Они предпочитают выражать свои фантазии иронично, сохраняя правдоподобное отрицание. И все же любой, кто когда-либо принимал активное участие в социальных потрясениях, знает, насколько узкой может быть грань между фантазией и реальностью. Давайте посмотрим на “революционную” роль гильотины в прошлом.

“Но месть — мелочно для анархиста! Рассвет, наш рассвет, не требует ни ссор, ни преступлений, ни лжи; он утверждает жизнь, любовь, знание; мы работаем, чтобы ускорить этот день”.

- Курт Густав Вилькенс — анархист, пацифист и убийца полковника Эктора Варелы, аргентинского чиновника, который руководил

это необходимый шаг на пути к созданию лучшего мира *для всех*, включая наших врагов или, по крайней мере, их детей. В противном случае мы рискуем стать следующими якобинцами, следующими осквернителями революции.

“Единственная настоящая месть, которую мы могли бы осуществить, — это наши собственные усилия по достижению счастья”.

- Уильям Моррис, в ответ на призывы отомстить за нападения полиции на демонстрации на Трафальгарской площади

Что касается наших непосредственных противников — конкретных человеческих существ, которые полны решимости любой ценой сохранить господствующий порядок, — мы стремимся победить их, а не уничтожить. Какими бы эгоистичными и алчными они ни казались, по крайней мере некоторые из их ценностей схожи с нашими, и большинство их ошибок — как и наших собственных — проистекают из их страхов и слабостей. Во многих случаях они выступают против предложений левых именно из-за того, что внутренне противоречиво у них — например, идея создания братства человечества посредством насильственного принуждения.

Даже когда мы вступаем в ожесточенную физическую борьбу с нашими противниками, мы должны сохранять глубокую веру в их потенциал, поскольку надеемся однажды жить с ними в других отношениях. Как честлюбивые революционеры, эта надежда является нашим самым ценным ресурсом, основой всего, что мы делаем. Если революционные перемены должны распространиться по всему обществу и по всему миру, те, с кем мы боремся сегодня, должны будут сражаться вместе с нами завтра. Мы не проповедуем конверсию мечом и не воображаем, что сможем убедить наших противников на каком-то абстрактном рынке идей; скорее, мы стремимся прервать то, как капитализм и государство в настоящее время воспроизводят себя, демонстрируя достоинства нашей альтернативы всеобъемлюще и заразительно. Когда дело доходит до долгосрочных изменений, нет коротких путей.

Именно потому, что иногда необходимо применять силу в наших конфликтах с защитниками господствующего порядка, особенно важно, чтобы мы никогда не упускали из виду наши устремления, наше сострадание и наш оптимизм. Когда мы вынуждены применять силу принуждения, единственным возможным оправданием является то, что

убийством примерно 1500 бастующих рабочих в Патагонии.

Очень краткая история ГИЛЬОТИНЫ

Гильотина ассоциируется с радикальной политикой, потому что её использовали во время первой французской революции для обезглавливания монарха Людовика XVI 21 января 1793 года, спустя несколько месяцев после его ареста. Но как только вы открываете ящик Пандоры силы истребления, его трудно снова закрыть.

Начав использовать гильотину в качестве инструмента социальных перемен, Максимилиан де Робеспьер, бывший когда-то президентом Якобинского клуба, продолжал использовать ее для консолидации власти своей фракции республиканского правительства. Как это принято у демагогов, Робеспьер, Жорж Дантон и другие радикалы воспользовались помощью *санкюлотов*, разгневанной бедноты, чтобы вытеснить более умеренную фракцию, жирондистов, в июне 1793 года. (Жирондисты тоже были якобинцами; если вам нравится якобинец, лучшее, что вы можете для него сделать, - это помешать его партии прийти к власти, поскольку он наверняка будет следующим у стены после вас). После массовой казни жирондистов Робеспьер приступил к консолидации власти за счет Дантона, *санкюлотов* и всех остальных.

“Революционное правительство не имеет ничего общего с анархией. Напротив, его цель состоит в том, чтобы подавить её, чтобы обеспечить и укрепить господство закона”.

жать. Все “интересы”, которые предположительно характеризуют различные категории людей, являются продуктами господствующего порядка, и нужно их преобразовать вместе с ним, а не сохранить.

С нашей точки зрения, даже самые влиятельные позиции богатства и власти, которые доступны при существующем порядке, ничего не стоят. Ничто из того, что могут предложить капитализм и государство, не представляет для нас никакой ценности. Мы предлагаем анархистскую революцию на том основании, что она может, наконец, удовлетворить желания, которые господствующий социальный порядок никогда не удовлетворит: желание иметь возможность обеспечивать себя и своих близких, не делая этого за чей-либо счет, желание, чтобы его ценили за творчество и характер, а не за то, сколько денег он может принести, стремление строить свою жизнь вокруг того, что приносит больше всего радости, а не в соответствии с императивами конкуренции.

Мы предлагаем, чтобы все ныне живущие могли бы жить — если не *хорошо*, то, по крайней мере, *лучше*, — когда мы не были бы вынуждены конкурировать за власть и ресурсы в политических и экономических играх с нулевой суммой.

Оставьте антисемитам и другим фанатикам описание врага как типа людей, олицетворяющих все, чего они боятся, как Другого. Наш противник — это не человек, а форма общественных отношений, которая навязывает антагонизм между людьми в качестве фундаментальной модели политики и экономики. Упразднение правящего класса не означает казнь всех, кто в настоящее время владеет яхтой или пентхаусом; это означает, что никто не может систематически осуществлять принудительную власть над кем-либо другим. Как только это станет невозможным, ни одна яхта или пентхаус не будут долго пустовать.

Освободить, а не уничтожать

“Дать надежду многим угнетенным и страх немногим угнетателям - вот наше дело; если мы сделаем первое и дадим надежду многим, немногие должны быть напуганы своей надеждой. В противном случае мы не хотим их пугать; мы хотим не мести бедным людям, а счастья; в самом деле, какая может быть месть за все тысячи лет страданий бедных?”

- Уильям Моррис, “Как мы живем и как мы могли бы жить”

Поэтому мы отвергаем логику гильотины. Мы не хотим уничтожать наших врагов. Мы не думаем, что путь к созданию гармонии состоит в том, чтобы вычеркнуть из мира всех, кто не разделяет нашу идеологию. Наше видение — это мир, в который вписывается множество миров, как выразился Субкоманданте Маркос, — мир, в котором единственное, что невозможно, — это доминировать и угнетать.

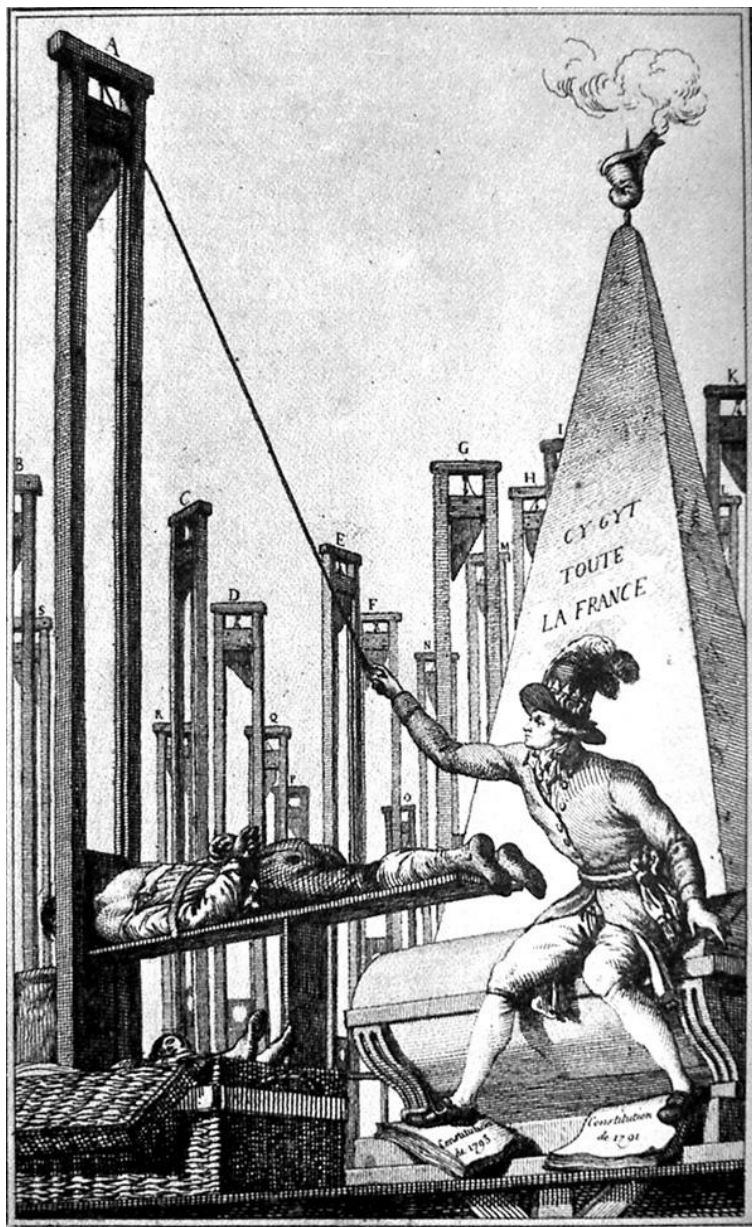
Анархизм — это предложение для *всех* относительно того, как мы могли бы улучшить нашу жизнь — рабочих и безработных, людей всех народностей, полов и национальностей, или их отсутствия, как нищих, так и миллиардеров. Предложение анархистов не отвечает интересам одной существующей в настоящее время противостоящей группы: это не способ обогатить бедных за счет богатых или расширить возможности одной этнической группы, национальности или религии за счет других. Весь этот образ мышления является частью того, чего мы пытаемся избе-

- Максимилиан Робеспьер, отличающий свое авторитарное правительство от более радикальных низовых движений, которые помогли разжечь Французскую революцию.¹

К началу 1794 года Робеспьер и его союзники отправили на гильотину огромное количество людей, по крайней мере, таких же радикальных, как они сами, в том числе Анаксагора Шометта и так называемых Разъяренных, Жака Эбера и так называемых эбертистов, протофеминисток и аболиционисток Олимп де Гуж, Камиллу Демулен (у которой хватило наглости сказать своему другу детства Робеспьеру, что “любовь сильнее и долговечнее страха”) - и жену Демулена, в качестве благоприятной меры, несмотря на то, что ее сестра была невестой Робеспьера. Они также организовали гильотинирование Жоржа Дантона и сторонников Дантона вместе с другими бывшими союзниками. Чтобы отпраздновать все это кровопролитие, Робеспьер организовал Культ Верховного Существа, обязательную публичную церемонию открытия изобретенной государственной религии.²

¹ Как мы уже утверждали в другом месте, фетишизация “верховенства закона” часто служит для узаконивания злодеяний, которые в противном случае воспринимались бы как ужасные и несправедливые. История снова и снова показывает, как централизованное правительство может совершать насилие в гораздо больших масштабах, чем все, что возникает в “неорганизованном хаосе”.

² Тошнотворно, но по крайней мере один автор журнала “Якобинец” даже попытался реабилитировать этого предшественника худших эксцессов сталинизма, делая вид, что религия, санкционированная государством, может быть предпочтительнее авторитарного атеизма. Альтернатива как авторитарным религиям, так и авторитарным идеологиям, которые поощряют исламофобию и тому подобное, заключается не в том, чтобы авторитарное государство навязывало свою собственную религию, а в том, чтобы создать массовую солидарность по политическим и религиозным линиям, чтобы защитить свободу совести.

лось на две отдельные стороны, которые полностью готовы убивать друг друга военными средствами, — можно больше не говорить о революции, а только о войне. Предпосылка революции состоит в том, что подрывная деятельность может распространяться по линии вражды, дестабилизируя непоколебимые позиции, подрывая преданность и предположения, лежащие в основе власти. Мы никогда не должны торопиться с переходом от революционного брожения к войне. Это обычно исключает возможности, а не расширяет их.

В качестве инструмента гильотина гарантирует, что невозможно изменить свои отношения с врагом, только устранить их. Более того, гильотина предполагает, что жертва уже полностью находится во власти людей, которые применяют её. В отличие от подвигов коллективного мужества, которые мы видели у людей, несмотря на огромные трудности в народных восстаниях, гильотина — это оружие для трусов.

Отказываясь убивать наших врагов оптом, мы оставляем открытой возможность того, что однажды они могут присоединиться к нам в нашем проекте преобразования мира. Самооборона необходима, но везде, где мы можем, мы должны рисковать, оставляя наших противников в живых. Если мы этого не сделаем, это гарантирует, что мы будем не лучше самых плохих из них. С военной точки зрения это препятствие; но если мы действительно стремимся к революции, это единственный способ.

Таксономия революционного насилия

Образ гильотины - это пропаганда авторитарной организации, которая может воспользоваться этим конкретным инструментом. Каждый инструмент подразумевает формы социальной организации, необходимые для его применения. В своих мемуарах *Баши Богатый*, ветеран Класовой войны Иэн Боун цитирует члена Разгневанной Бригады Джона Баркера о том, что “бензиновые бомбы гораздо демократичнее динамита”, предлагая нам проанализировать каждый инструмент сопротивления с точки зрения того, как он структурирует власть. Критикуя модель вооруженной борьбы, принятую иерархическими авторитарными группами в Италии в 1970-х годах, Альфредо Бонанно и другие инсurreкционисты подчеркивали, что освобождение может быть достигнуто только с помощью горизонтальных, децентрализованных и коллективных методов сопротивления.

“Невозможно совершить революцию с помощью одной гильотины. Месть - это преддверие власти. Любому, кто хочет отомстить за себя, нужен лидер. Лидер, который приведет их к победе и восстановит справедливость”.

- Альфредо Бонанно, Вооруженная Радость

Вместе бунтующая толпа может защитить автономную зону или оказать давление на власти без необходимости иерархического централизованного руководства. Там, где это становится невозможным — когда общество расколо-

“Здесь покоится вся Франция”, - гласит надпись на могиле позади Робеспьера в этой политической карикатуре, отсылающая ко всем казням, которые он помог организовать.

После этого прошло всего полтора месяца, прежде чем самого Робеспьера казнили, истребив слишком многих из тех, кто мог бы сражаться рядом с ним против контрреволюции. Это подготовило почву для периода реакции, кульминацией которого стал захват власти Наполеоном Бонапартом и провозглашение себя императором. Согласно французскому республиканскому календарю (нововведение, которое не прижилось, но которое ввели во время Парижской коммуны), казнь Робеспьера состоялась в течение месяца Термидор. Следовательно, название Термидор навсегда ассоциируется с началом контрреволюции.

“Робеспьер убил Революцию тремя ударами: казнью Эбера, казнью Дантона, Культom Верховного Существа... Победа Робеспьера отнюдь не спасла бы его, а означала бы лишь более глубокое и непоправимое падение”.

- Луи-Огюст Бланки, которого самого вряд ли можно назвать противником авторитарного насилия.

Но было бы ошибкой сосредотачиваться на Робеспьере. Сам Робеспьер не был сверхчеловеческим тираном. В лучшем случае он был ревностным аппаратчиком, исполнявшим роль, за которую боролись бесчисленные революционеры, роль, которую сыграл бы другой человек, если бы не он. Проблема была системной — конкуренция за централизованную диктаторскую власть — а не вопрос индивидуальных проступков.

Трагедия 1793-1795 годов подтверждает, что любой инструмент, который вы используете для совершения революции, несомненно, будет использован против вас. Но проблема не только в инструменте, но и в логике, лежащей в его основе. Вместо того чтобы демонизировать Робес-

пьера — или Ленина, Сталина или Пол Пота, — мы должны изучить *логику гильотины*.

В определенной степени мы можем понять, почему Робеспьер и его современники в конечном итоге стали полагаться на массовые убийства как на политический инструмент. Им угрожало иностранное военное вторжение, внутренние заговоры и контрреволюционные восстания; они принимали решения в чрезвычайно напряженной обстановке. Но если можно понять, как они пришли к гильотине, то невозможно утверждать, что все убийства были необходимы для закрепления их положения. Казни, которые они совершали, достаточно красноречиво опровергают этот аргумент.

Точно так же неверно полагать, что гильотину использовали главным образом против правящего класса, даже в разгар правления якобинцев. Будучи непревзойденными бюрократами, якобинцы вели подробные записи. В период с июня 1793 года по конец июля 1794 года 16 594 человека были официально приговорены к смертной казни во Франции, в том числе 2639 человек в Париже. Из официальных смертных приговоров, вынесенных во время террора, только 8 процентов были вынесены аристократам и 6 процентов — представителям духовенства; остальные были разделены между средним классом и бедными, причем подавляющее большинство жертв были выходцами из низших классов.

ственности за то, что они разбили окно. Вопрос не в том, сделали ли они нас популярными, а в том, есть ли им место в проекте освобождения. Если мы стремимся к преобразованиям, а не к завоеваниям, мы должны оценивать наши победы в соответствии с иной логикой, чем полиция и вооруженные силы, с которыми мы конфликтует.

Это не аргумент против применения силы. Скорее, это вопрос о том, как использовать её, не создавая новых иерархий, новых форм систематического угнетения.

Вместо гильотины

Конечно, бессмысленно взывать к доброй сущности наших угнетателей, пока мы не преуспеем в том, чтобы лишить их возможности извлекать выгоду из нашего угнетения. Вопрос в том, как этого добиться.

Апологеты якобинцев возразят, что в сложившихся обстоятельствах для продвижения революционного дела было необходимо, по крайней мере, некоторое кровопролитие. Практически все революционные массовые убийства в истории были оправданы необходимостью — именно так люди всегда оправдывают массовые убийства. Даже если бы потребовалось некоторое кровопролитие, это все равно не является оправданием для культивирования жажды крови и её обеспечение как революционных ценностей. Если мы хотим ответственно применять силу принуждения, когда нет другого выбора, мы должны культивировать отвращение к ней.

Помогали ли нам когда-нибудь массовые убийства продвигать наше дело? Конечно, сравнительно небольшое количество казней, совершенных анархистами, — таких как убийства профашистского духовенства во время гражданской войны в Испании, — позволили нашим врагам представить нас в худшем свете, даже если они несут *ответственность* за в десять тысяч раз большее количество убийств. Реакционеры на протяжении всей истории всегда неискренне придерживались двойных стандартов в отношении революционеров, прощая государству убийства миллионов мирных жителей и привлекая повстанцев к ответ-

Казнь Робеспьера и его коллег. Робеспьера опознают по номеру 10; сидя в повозке, он прижимает ко рту носовой платок, будучи ранен в челюсть во время поимки.

История, разыгравшаяся во время первой французской революции, не была случайностью. Полвека спустя Французская революция 1848 года пошла по аналогичной траектории. В феврале революция, возглавляемая разгневанными бедняками, дала республиканским политикам государственную власть; в июне, когда жизнь при новом правительстве оказалась немногим лучше, чем жизнь при короле, жители Парижа снова восстали, и политики приказали армии уничтожить их во имя революции. Это подготовило почву для победы племянника Наполеона на президентских выборах в декабре 1848 года, пообещав “восстановить порядок”. Три года спустя, изгнав всех республиканских политиков, Наполеон III отменил Республику и короновал себя императором, ознаменовав знаменитую шутку Маркса о том, что история повторяется: “первый раз как трагедия, второй раз как фарс”.

Точно так же после того, как французская революция 1870 года привела к власти Адольфа Тьера, он безжалостно уничтожил Парижскую коммуну, но это только проложило путь еще более реакционным политикам, чтобы вытеснить его в 1873 году. Во всех трех этих случаях мы видим, как революционеры, которые намерены полагаться государственную власть, должны принять *логику гильотины*, чтобы получить ее, а затем, жестоко подавив других революционеров в надежде укрепить контроль, неизбежно терпят поражение от более реакционных сил.

В 20 веке Ленин описывал Робеспьера как большевистского авангардиста, утверждая, что Террор предшествовал большевистскому проекту. Он был не единственным человеком, который проводил такое сравнение.

Коммунары сжигают гильотину как “рабский инструмент монархического господства” у подножия статуи Вольтера в Париже 6 апреля 1871 года.

“Мы совершим Термидор сами!”, - вспоминает апологет большевиков Виктор Серж, провозглашая Ленина, когда он готовился убивать мятежников Кронштадта. Другими словами, разгромив анархистов и всех остальных слева от них, большевики переживут реакцию, сами став контр-революцией. Они уже восстановили строгую иерархию в Красной Армии, чтобы завербовать в нее бывших царских офицеров; наряду с победой над повстанцами в Кронштадте они восстановили свободный рынок и капитализм, хотя и под контролем государства. В конце концов Сталин занял положение, которое когда-то занимал Наполеон.

Так что гильотина - это не инструмент освобождения. Это было ясно уже в 1795 году, более чем за столетие до того, как большевики начали собственный террор, почти за два столетия до того, как красные кхмеры уничтожили почти четверть населения Камбоджи.

Почему же тогда гильотина снова вошла в моду как символ сопротивления тирании? Ответ на этот вопрос расскажет нам кое-что о психологии нашего времени.

Фетишизация государственного насилия

Шокирует, что даже сегодня радикалы ассоциируют себя с якобинцами, тенденцией, которая была реакционной к концу 1793 года. Но объяснение нетрудно найти. Тогда, как и сейчас, есть люди, которые хотят считать себя радикальными, не имея необходимости на самом деле радикально порывать с привычными им институтами и практиками. “Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых”, - как сказал Маркс.

Если — используя знаменитое определение Макса Вебера — честолубивое правительство квалифицируется как представляющее *государство*, добиваясь монополии на законное применение физической силы на данной территории, то одним из наиболее убедительных способов продемонстрировать суверенитет является безнаказанное применение смертоносной силы.

Это объясняет различные сообщения о том, что публичные обезглавливания отмечались как праздничные или даже религиозные события во время Французской революции. До революции обезглавливание было подтверждением священной власти монарха; во время Революции, когда представители Республики руководили казнями, это подтверждало, что они обладают суверенитетом — во имя Народа, конечно. “Луи должен умереть, чтобы нация могла жить”, - провозгласил Робеспьер, стремясь освятить рождение буржуазного национализма, буквально крестя его

истинную цель, которая заключается в коллективном создании условий для свободы всех.

«Да будет человек избавлен от мести: вот мост, ведущий к высшей надежде, и радужное небо после долгого ненастья».

- Фридрих Ницше (сам не сторонник освобождения, но один из ведущих теоретиков опасностей мести)

стивых. Христианская экономика праведности и проклятия имеет важное значение для этой картины. Напротив, если мы используем её для обозначения чего-либо, гильотина должна напоминать нам об опасности стать теми, кого мы ненавидим. Лучше всего было бы уметь сражаться без *ненависти*, исходя из оптимистической веры в огромный потенциал человечества.

Часто все, что нужно, чтобы перестать ненавидеть человека, - это добиться успеха в том, чтобы он не представлял для вас никакой угрозы. Когда кто-то уже в твоей власти, презренно убивать его. Это решающий момент для любой революции, момент, когда революционеры имеют возможность беспричинно отомстить, уничтожить, а не просто победить. Если они не преодолеют это испытание, их победа будет более позорной, чем любая неудача.

Худшим наказанием, которое кто-либо мог бы применить к тем, кто управляет и контролирует нас сегодня, было бы заставить их жить в обществе, в котором все, что они сделали, считается постыдным для них - сидеть на собраниях, в которых их никто не слушает, продолжать жить среди нас без каких-либо особых привилегий, полностью осознавая причиненный ими вред. Если мы о чем-то фантазируем, давайте пофантазируем о том, чтобы сделать наши движения настолько сильными, что нам вряд ли придется кого-то убивать, чтобы свергнуть государство и уничтожить капитализм. Это больше соответствует нашему достоинству как сторонников освобождения.

Можно быть приверженцем революционной борьбы всеми необходимыми средствами, не ущемляя жизнь. Можно отказаться от ханжеского и пацифистского морализма, не развивая тем самым циничную жажду крови. Нам нужно развивать способность применять силу, никогда не принимая власть над другими за нашу

в крови предыдущего социального порядка. Как только Республику положила это в основу, ей потребовались постоянные жертвы, чтобы утвердить свою власть.

Здесь мы видим суть государства: *оно может забирать, но не давать жизнь*. Как концентрация политической легитимности и принудительной силы, оно может нанести вред, но оно не может установить ту позитивную свободу, которую получают люди, когда они связаны в взаимоподдерживающих сообществах. Оно не может создать ту солидарность, которая порождает гармонию между людьми. То, что мы используем государство, чтобы сделать что-либо с другими, другие так же могут использовать, чтобы сделать что-либо с нами — что испытал Робеспьер, — но никто не может использовать принудительный аппарат государства для дела освобождения.

Для радикалов фетишизация гильотины подобна фетишизации государства: это означает прославление орудия убийства, которое всегда будет использоваться главным образом против нас.

Те, кто был лишен позитивных отношений со своими органами, часто оглядываются в поисках суррогата, с которым можно было бы отождествить себя, — лидера, чье насилие может заменить месть, которой они жаждут, как следствие их собственного бессилия. В эпоху Трампа мы все хорошо знаем, как это выглядит среди бесправных сторонников крайне правой политики. Но есть также люди, которые чувствуют себя бессильными и злыми слева, люди, которые жаждут мести, люди, которые хотят, чтобы государство, которое их сокрушило, обратилось против их врагов.

Напоминать “Танкис” о зверствах и предательствах государственных социалистов, совершенных с 1917 года, все равно что называть Трампа

расистом и сексистом. Обнародование того факта, что Трамп является серийным сексуальным насильником [serial sexual assaulter], только сделало его более популярным из-за его женоненавистнической основы; точно так же кровавая история авторитарного партийного социализма может сделать его более привлекательным для тех, кто в основном мотивирован желанием отождествить себя с чем-то *могущественным*.

- Анархисты в эпоху Трампа

Теперь, когда Советский Союз не существует уже почти 30 лет, и из-за трудностей получения информации из первых рук от эксплуатируемого китайского рабочего класса, многие люди в Северной Америке воспринимают авторитарный социализм как совершенно абстрактную концепцию, столь же далекую от их жизненного опыта, как массовые казни на гильотине. Желая не только мести, но и *deus ex machina*, чтобы спасти их как от кошмара капитализма, так и от ответственности за создание альтернативы ему самому, они представляют авторитарное государство как чемпиона, который мог бы сражаться от их имени. Вспомните, что сказал Джордж Оруэлл об удобных британских писателях-сталинистах 1930-х годов в своем эссе “Внутри кита”:

“Для людей такого рода такие вещи, как чистки, тайная полиция, массовые казни, тюремное заключение без суда и т.д. и т.д. слишком далеки, чтобы ужасать их. Они могут проглотить тоталитаризм, **потому что** у них нет опыта ни в чем, кроме либерализма”.

Наказание виновных

“Доверяйте видениям, в которых нет ведер с кровью”.

- Дженни Хольцер

По большому счету, мы, как правило, больше осознаем зло, совершенное против нас, чем то зло, которое мы совершаем по отношению к другим. Мы наиболее опасны, когда чувствуем себя наиболее обиженными, потому что мы чувствуем себя в большей степени вправе выносить суждения, быть жестокими. Чем более оправданными мы себя чувствуем, тем осторожнее нам следует быть, чтобы не повторять модели судебного сектора, допущения карцерного государства, логику гильотины. Опять же, это не оправдывает бездействие; это просто означает, что мы должны действовать наиболее критически именно тогда, когда мы чувствуем себя наиболее праведными, чтобы не взять на себя роль наших угнетателей.

Когда мы видим себя борющимися против конкретных человеческих существ, а не социальных явлений, становится все труднее распознать способы, с помощью которых мы сами участвуем в этих явлениях. Мы выводим проблему за пределы самих себя, олицетворяя ее как врага, которым можно пожертвовать, чтобы символически очиститься. И все же то, что мы делаем с худшими из нас, в конечном счете сделают с остальными из нас.

Как символ мести, гильотина соблазняет нас представить себя стоящими на суде, помазанными кровью нече-